Момочи наслаждается чувством превосходства, нанося внезапные удары, которые Какаши не может предвидеть, но ему этого мало. Ему нужно отчаяние, и для этого… да. Для этого прекрасно подходит его заказ и охраняющая его девочка. Ее кровь станет прекрасным дополнением к разворачивающемуся действию.

Хатаке успел закрыть архитектора, но не полностью блокировать удар. Лезвие прошло по его груди, но от серьезных ран его спасает жилет, Кубикирибочо оставляет лишь неглубокую, пусть и длинную рану. Все равно не так уж и плохо. Мечник вновь отступает, скрываясь в тумане, и Какаши кидается следом, но они не успевают вновь скрестить клинки. Жуткая чакра заставляет остановиться, с напряжением вслушиваясь в тишину.

Кто это? Момочи прекрасно понимает, что она идет с той стороны, где остался Хаку. Мысль о том, что это Хатаке, отброшена сразу, о розоволосой соплячке он не вспоминает и вовсе.

— Ты слышишь меня, Забуза? Нам не стоит тратить время в пустую, — голос Какаши предельно серьезен. В нем нет никаких других эмоций. Похоже, эта чакра взволновала не только Момочи, но, в отличие от мечника, Хатаке знает, с чем они имеют дело. — Эта сила не соответствует твоей манере вести бой, но как насчет того, чтобы закончить его сейчас?

— Звучит интересно, но что ты можешь сделать мне в такой ситуации? — Момочи против воли чувствует интерес. Ему тоже надо быстрее добраться до воспитанника, проверить, что с ним. Какаши тут лишний, и раз он так хочет быстрее умереть, Забуза не будет мешать, даже поможет. — Покажи мне, Какаши.

Мечник не открывает глаз, полностью полагаясь на слух и чувство чакры, что содержит в себе воздух, поэтому не слышит названия негромко произнесенной техники. Только дрожь под ногами подсказывает, что было применено что-то необычное. Однако даже ощутив это, он не был готов к вырвавшимся из-под земли нинкенам. Уйти от одного, но не второго; пропустить, попытаться скинуть и тут же понять свою ошибку, когда со спины навалилось еще трое.

Собаки будто повсюду. Виснут на плечах, камнем тянут вниз руки, рвут сухожилия на ногах. Не вырваться, не скрыться. Его кровь уже пролилась, туман не сможет скрыть запах, а он не ирьенин, чтобы вылечить все.

— Если нет толку от глаз и ушей, тогда используй нос. Вот что случается, когда твои глаза застилает туман. Этим приемом я пользуюсь специально для выслеживания противника. Только для этой цели я позволил моей крови пролиться… — слова звучат снисходительно, а сам Какаши медлит, не торопясь подходить слишком близко к мечнику, который уже стал ему видим. — Твое оружие имеет запах моей крови. Это мои обученные нинкены. Их нюх намного чувствительнее, чем у всех других собак. Ты первый был захвачен моим дзюцу, — Хатаке останавливается в нескольких метрах, внимательно всматриваясь в глаза Забузы. — Туман исчезает. Твое будущее… смерть!

— Меня тошнит от этой чуши! — Момочи ухмыляется, его забавляет чужая неуверенность. Все правильно. У мечника еще есть тузы в рукаве, и это не только Хаку. Весь воздух вокруг него пропитан его же чакрой. Ему нужно немного времени, и водяные клоны соберутся за его спиной, но для этого надо отвлечь нинкенов. Те слишком близко, успеют среагировать и прокусить бешено бьющуюся на шее артерию, а ему подобного не надо.

— Не будь глупцом! Ты ничего не можешь сделать в этой ситуации. Ты точно умрешь, — не будь он настолько сосредоточен на своей цели, Момочи бы рассмеялся в лицо Хатаке, а так лишь безразлично слушал, аккуратно перенося свой вес, стараясь незаметнее принять нужное положение, чтобы стряхнуть псов с себя или же вместе с ними избежать первого удара Какаши. Второй отражать придется уже самостоятельно, одновременно избавившись от нинкенов. Иначе — смерть. Смешно. Не ему ее пугаться. — Забуза, ты слишком далеко зашел. Твое тщеславие чересчур велико. Твоя неудавшаяся попытка убийства Мизукаге и государственный переворот не удались. Ты сбежал из Страны Воды с небольшим количеством приверженцев и стал нукенином. Твое имя вскоре стало известно даже в Конохе. Тебе были нужны деньги, чтобы отомстить, и, к тому же, тебе нужно было избегать ойнинов. Скорее всего, только из-за этого ты присоединился к такому подонку, как Гато, — мечнику хочется смеяться в лицо этому напыщенному болвану. Глупец. Он даже не пытался узнать подробности, а начал делать выводы. И это один из лучших джоунинов Листа? Какое разочарование. — Забуза, ты думаешь, я могу победить только благодаря Шарингану? В этот раз я покажу тебе не скопированное, а мое собственное дзюцу. Райкири! — мечнику прекрасно видны печати, а еще лучше появившиеся вокруг чужой ладони голубые молнии. Они застрекотали, невольно заставляя насторожиться, слишком велика концентрация стихийной чакры, это слишком опасно. — Ты слишком опасен, — Момочи хочется хмыкнуть, Какаши озвучил его собственную мысль. — Тазуна-сан — тот, кого ты собираешься убить, символ

отваги для этой страны. Мост, который он старается построить, это надежда страны. Ради этой цели очень много людей пожертвовали жизнью. Это не то, что должен делать шиноби.

— Не тебе меня судить, — чужие слова задевают что-то спрятанное глубоко в душе. — Я дрался за свои собственные идеалы, я ни о чем не жалею.

— Это ничего не меняет! Я снова тебя прошу, сдайся… — Забуза криво улыбается сквозь маску. Хатаке его утомил. Слишком много пафосных речей для того, кто отправил на смерть зеленых генинов. И он ему читает мораль? Лицемер даже хуже Ягуры, тот, по крайней мере, не прятал свою сущность за маской. Не прикидывался добрячком. — Твое будущее — смерть.

Мечник пытается сделать рывок назад, уйти от удара, дать себе пространство маневра, но стоит чуть сильнее напрячь ноги, только наметить движение, как висящие на ногах нинкены сильнее сжимают челюсти. Момочи прямо чувствует, как рвутся его сухожилия, рывка не получается, он не может сделать даже шага назад. В самый нужный момент тело просто предает Забузу. Он не успевает уйти.

«Это конец?» — Момочи с каким-то даже облегчением смотрит на приближающуюся смерть. Молнии завораживают своей смертоносной красотой.

Ледяное зеркало прорастает прямо из - под земли, из него выскальзывает тень, которая загораживает Забузу от Какаши, обретая очертания Хаку. Юки не успевает защититься, просто делает нелепый взмах рукой с зажатыми в ней сенбонами и встречает объятую молниями руку грудью. Его тело трясет от попавшего в него заряда, рука Хатаке застревает в груди. Хаку последним усилием сжимает на ней ладони, не давая вытащить и отстраниться, судороги продолжаются, сильнее скрючивая пальцы, делая невозможным их быстро разжать. Взгляд парнишки стекленеет.

— Забуза-сан… — последнее слово Юки похоже на шелест падающих снежинок, но он уже ничего не видит. Тонкая струйка крови течет из уголка губ. Красивые, обрамленные пушистыми ресницами глаза — стекленеют. Взгляд теряет осмысленность, жизнь уходит из

тела.

Парнишка уже не видит расширенных глаз Хатаке, ужаса и тени старых кошмаров в них. Не видит, что его сенбоны попали в цель, пробив свиток, с помощью которого были призваны нинкены. Не видит замершего мечника, который очнулся лишь от хлопка исчезнувших собак. Ему уже все равно. Он больше ничего не сможет увидеть, только не теперь, когда его сердце пробито, а внутренности поджарены. Он мертв.

— Мое будущее смерть? Ха-ха! — смех Забузы звучит надрывно. Он вновь весь в крови. Опять не успел. В глазах загорается искорка безумия. — Ты снова ошибся, Какаши.

Кубикирибочо для него легок, как перышко. Он взлетает вверх одним движением и обрушивается прямо на голову Хатаке, что так и не смог избавиться от хватки трупа. Уже трупа.

Мальчишки, что был чистым, как первый снег.

Хватит. Хаку не должен был умереть. Он просто не мог. Он его оружие. Он будет жить, пока мечник в нем нуждается, но… не живет, не дышит. Кожа бела, как снег.

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/54176/1382330